

DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-4-89-96

Лингвистические искания С.К. Булича: от компаративистики к идеям всемирного языка (К 160-летию со дня рождения)

Олег Викторович Никитин

*Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия,
e-mail: olnikitin@yandex.ru*

В статье дается аналитический обзор лингвистических взглядов самобытного русского компаративиста и филолога-экспериментатора С.К. Булича. Подчеркивается его интерес к изучению новых направлений в языкознании рубежа XIX–XX вв.: семасиологии, философии языка, интерлингвистики. Вместе с тем показано, что ученый был крупнейшим представителем исторической школы отечественной науки, видным специалистом по санскритологии и церковнославянскому языку. Автор статьи кратко излагает некоторые положения главной книги С.К. Булича по истории русского языкознания XIII–XIX вв., вписавшей ученого в ряд выдающихся представителей славяно-русской филологии.

Ключевые слова: *русский и церковнославянский языки; история языкознания; компаративистика; всемирный язык; лингвистический эксперимент; семасиология; философия языка*

Ссылка для цитирования: *Никитин О.В. Лингвистические искания С.К. Булича: от компаративистики к идеям всемирного языка (К 160-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2019. – Т. 80. – № 4. – С. 89–96. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-4-89-96.*

Linguistic Pursuit by S.K. Bulich: From Comparative Studies to the Ideas of the World Language (To the 160th Anniversary of the Birth)

Oleg V. Nikitin

*Moscow Region State University, Moscow, Russia,
e-mail: olnikitin@yandex.ru*

The article provides an analytical review of linguistic views of the unique Russian comparativist and experimental philologist S.K. Bulich. The author highlights his interest in the study of new linguistic directions at the turn of the 19 – 20th centuries: semasiology, philosophy of language and interlinguistics. At the same time, it is shown that the scholar was the largest representative of the historical school of national science, an eminent expert in the Sanskritology and Church Slavonic language. The author of the article summarizes some of the provisions of the S.K. Bulich's main book on the Russian linguistics history of the 13 – 19th centuries, which have made him an outstanding representative of Slavic-Russian philology.

Keywords: *Russian and Church Slavonic languages; history of linguistics; comparative studies; world language; linguistic experiment; semasiology; philosophy of language*

A reference for citation: *Nikitin O.V. Linguistic Pursuit by S.K. Bulich: From Comparative Studies to the Ideas of the World Language (To the 160th Anniversary of the Birth). In Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]. 2019, vol. 80, No. 4, pp. 89–96. DOI: 10.30515 / 0131-6141-2019-80-4-89-96.*

Личность и профессиональная деятельность Сергея Константиновича Булича (1859–1921) до сих пор остаются недостаточно раскрытыми в истории отечественной лингвистической мысли конца XIX – начала XX вв., а его влияние на современников почти не отмечено в литературе. Между тем место С.К. Булича на филологической карте России того времени далеко не последнее, а в ряде областей он был первым и единственным идеологом и пропагандистом новых взглядов на развитие науки, соединив в своем творчестве компаративизм классической школы со свежими структуральными идеями и экспериментами XX в.

Научный потенциал и достижения отечественной лингвистики второй половины XIX в. способствовали интеллектуальному прорыву России. Как представитель Казанской «бодуэновской» школы, всегда отличавшейся новизной и открытостью, С.К. Булич всей своей жизнью подтверждал прозрения учителей и развивал их с присущим ученику лингвистическим вдохновением. Поначалу он, как и многие его современники, увлеченно познавал основы компаративистики, изучал спорные явления в области русского и церковнославянского языков, сделал ряд наблюдений над особенностями польского склонения, занимался фонетикой, очевидно, под влиянием лекций И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского.

Входившее в моду веяние изучать язык во всем многообразии его стилистических и социальных форм, было положительно воспринято С.К. Буличем. Он сумел сказать свое слово в спорных и малоизученных вопросах, стоявших на рубеже исторического и синхронного аспектов. В этом направлении им была подготовлена и защищена магистерская диссертация «Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке» [Булич 1893], посвященная «памяти учителя и друга Н.В. Крушевского». В «Предисловии» С.К. Булич по-сыновнему отдает дань И.А. Бодуэну де Куртенэ, «лекциям, научным беседам и советам которого автор много обязан первым пробуждением научного интереса к области явлений языка», М.Н. Петровскому, П.А. Сырку, но особенно благодарит

Н.В. Крушевского, «которому... более всего обязан своим научным развитием» [Там же: II].

Эта книга показательна для становления научной методологии С.К. Булича, предпринявшего удачную попытку исследовать лексические, морфологические и фонетические элементы церковнославянского языка, вошедшие в литературный и народный пласты. Отличное знание европейской литературы по сравнительно-историческому языкознанию, богатый состав древнерусских документов, умелое сопоставление фактов старинного книжного языка и грамматических штудий XVIII в. (М. Смотрицкого) позволили ученому подробно и точно охарактеризовать феномен языкового заимствования в первую очередь с социальной стороны. Он писал:

Ни одно из других языковых явлений не имеет таких тесных и многочисленных связей с разными факторами общественной жизни, и поэтому также ни одно из языковых явлений не представляет... такой сложности и разнообразия, смеющихся над попыткой исследователя уложить относящиеся сюда факты в какую-нибудь простую и ясную систему [Булич 1893: 5].

Вводная часть книги интересна тем, что представляет собой краткий обзор исторических этапов заимствований в древних и европейских языках, рассказывает об их видах и вариантах. Это одна из первых теорий «иноязычия» в нашей лингвистической практике:

Заимствование из другого языка может быть двух родов: предметом заимствования могут быть целые слова или части слов... Затем может быть другой случай, когда слово по своему материалу, по звукам, корню и прочим морфологическим частям... является вполне природным и ничем не изобличает своего иностранного происхождения, которое обнаруживается только при сравнении его внутреннего строения... со строением соответствующего иностранного слова.

Здесь мы имеем дело с перенесением чужой внутренней формы слова (того, что Гумбольдт и Штейнталь называют *innere Sprachform*), с заимствованием духовного, не материального характера. К подобного рода заимствованиям относятся так называемые германизмы, галлицизмы, полонизмы и т.д. [Там же: 18–19].

В этой работе отражаются идеи учителей С.К. Булича, определивших иной вектор движения научных исследований.

Особенно много сложностей, как полагал ученый, было в определении терминов *чужое* и *заимствованное слово*. Он справедливо замечал:

Пока не будут вполне изучены и сведены к более или менее точным формулам ассоциативные связи между членами отдельных семасиологических и этимологических групп или гнезд и определена частота употребления этих членов, до тех пор деление заимствований на две общепринятые категории *усвоенных* и *чужих* слов всегда будет страдать субъективизмом и неизбежным отсутствием научной точности [Там же: 44–45].

По С.К. Буличу, здесь немало парадоксов, которые предстоит еще решить. Он корректно рассуждал, что

было бы ошибочно придавать и времени слишком большое значение: так, например, слово *солдат*, ведущее свое начало из XVII столетия, не раньше, чувствуется совсем привычным, своим словом, а какое-нибудь *архиепископ* или *епитрахиль*, несравненно старейшие, до сих пор не усвоились [Там же: 45].

С.К. Булич сделал в этой работе примечательные наблюдения о грамматической литературе допетровского периода. В частности, в «Заключении» этой работы он писал:

<...> если говорить о влиянии грамматики Смотрицкого на позднейший церковнославянский, то только разумея ее московское издание, в которое внесено много особенностей великорусского церковнославянского, развившихся в нем под непосредственным воздействием живого языка и независимо от какой бы то ни было грамматической теории [Там же: 405].

С.К. Булич был очень ярким, самобытным по разнообразию своих филологических талантов мыслителем и очень плодотворным автором. Последнее в той или иной мере было свойственно ученым его поколения, но С.К. Булич, пожалуй, один из немногих смог реализовать свои разносторонние научные интересы и охватить весьма далекие и по своим истокам, и по характеру развития проблемы языкознания и даже шире — гуманитарной мысли. Его научное наследие многогранно: от многочисленных работ о восточных (преимущественно — индийских) языках, литературах и культурах до статей об истории музыки, о валлийском и галльском, ирландском языках,

о зенде (так именовался древнеиранский язык) и емких заметок о ключевых лингвистических понятиях нашей науки вроде «Винительный падеж», «Возвратное местоимение», «Возвратный залог», «Глагол», «Гласные звуки», «Говор», «Заимствование в языках», о буквах алфавита, знаках препинания и мн. др., написанных в русле лучших традиций отечественной компаративистики для «Энциклопедического словаря» Брокгауза-Ефрона. Всего им было подготовлено более 1400 (!) статей [Булич 1905: 332]. Даже в таких, казалось бы, традиционных для русской филологической школы книгах, как «Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке», С.К. Булич [1893] всегда подчеркивал свою связь с новым направлением в лингвистике.

Одной из важнейших работ, опубликованных С.К. Буличем в знаменитом «Энциклопедическом словаре», стала статья «Семасиология» [Булич 1900], в которой впервые открыто было заявлено о перспективном направлении лингвистических исследований. Автор в самом начале так обозначил суть вопроса:

Семасиология (грамм.) — отдел науки о языке, принадлежащий к наименее разработанным и рассматривающий значение слов и формальных частей слова (греч. σημασία = знак, сигнал). Не только основные семасиологические процессы, но даже и объем с<емасиологии>, и ее метод до сих пор еще не установлены как следует [Булич 1900: 422].

Многие тезисы из этой, казалось бы, обзорной энциклопедической статьи можно и сейчас использовать как перспективные задачи лингвистической науки. Так, например, С.К. Булич характеризует один из главных вопросов этой науки:

В основе значения слов лежит психический процесс ассоциации идей: сложная идея внешней формы слова (представление самого слова, состоящее из акустических и моторных представлений; звуковой образ слова и представление тех движений органов речи, которые необходимы для его произнесения) связание ассоциацией по смежности с другой идеей — понятием, означаемым посредством данного слова, или *значением* этого последнего («семемой», по удачному выражению проф. Будиловича). Как установилась эта связь звуковой оболочки слова с его значением — это вопрос, тождественный с вопросом о происхождении языка вообще [Там же: 422].

С.К. Булич показывает на конкретных примерах неоднозначность семасиологических процессов, внутри которых действуют не только исторические, но и ассоциативные связи и отношения. Какая богатая, живая палитра словесных красок выходит из-под пера ученого, вдохновленного новым лингвистическим экспериментом:

Одни слова суживаются в своем значении, другие расширяются, и к этому сводятся все семасиологические процессы. Так как слово есть только вполне условный знак известного понятия (исключение составляют немногочисленные звукоподражательные имена, вроде *кукушка* — нем. *Kuckuk*, фр. *coucou*, англ. *cuckoo*, итал. *cuculo*, лат. *cūculus*, кимр. корн. *cog*, древ.-ирл. *cuach*, санскр. *kokila*), связанный с последним одной ассоциацией по смежности, то значение его может изменяться (суживаться или расширяться) вполне беспрепятственно. Даже очевидное происхождение слова не может служить помехой тому, чтобы оно было применено к обозначению совершенно неподходящего понятия: *чернилами* называется не только *черная*, но и *красная*, *синяя*, *зеленая* жидкость, служащая для писания; *гусиное перо* давно уже заменилось металлическим, стеклянным; современные пушки *стреляют* не *стрелами*, а *ядрами*, *коническая* форма которых совсем не напоминает круглого *ядра* ореха; *конки* действуют теперь не только силой *лошадей*, но и силой *пара* (*паровая* конка) или электричества (*электрическая* конка), и т. д. [Булич 1900: 422].

Приведем еще один дискуссионный фрагмент этой интереснейшей статьи С.К. Булича, прорвавшей после исследований А.А. Потебни брешь в изучении знаковой природы языка — слова — символа (в статье ставятся вопросы об историко-культурных связях языка, выраженных в древних корнях, о внешних факторах воздействия на организм языка (ср., например первые ростки когнитивистики у Ф.И. Буслаева [Никитин 2018]), который в представлении С.К. Булича всегда социален):

Значение известного слова основано, однако, не только на ассоциации по смежности между его представлением и отвечающим ему понятием, но и на подобных же ассоциациях между его представлением и представлениями других слов. Так, значение слова *вид* в нижеприведенных примерах связано не только с ним одним, но и с другими словами: «передо мной открылся чудный вид»; «я отдал свой вид дворнику»; «плод имеет

вид яйца»; «он имеет болезненный вид»; «я имею на вас виды»; «я имею в виду одно место»; «солдаты купались в виду неприятеля»; «глагол совершенного вида» и т. д. Каждое почти слово может иметь два значения: 1) общее, или родовое, в общем употреблении и 2) частное, или случайное, в индивидуальном, случайном употреблении. Пример первого: «*дерево* имеет ствол, корни, ветви, листья или хвою» и т. д.; пример второго: «Иван, сруби это *дерево*». Общепринятое значение включает в себе все содержание понятия, соединяемого с данным словом каждым говорящим на известном языке; случайное, или индивидуальное, обыкновенно богаче содержанием (дерево, которое надо срубить, — береза, дуб, ель и т. д.), но уже по объему [Булич 1900: 423].

Здесь же С.К. Булич рассматривает и другие важные проблемы семасиологии: многозначность слова, переход «чувственных впечатлений» на «духовные отношения», слова, «выражающие понятия эстетические и этические», связь семасиологии с синтаксисом и мн. др. (см. подробнее: [Там же: 422–426]).

Кроме того, в этой статье находим и другие замечательные высказывания С.К. Булича, стоявшего вместе со своими учителями Н.В. Крушевским и И.А. Бодуэном де Куртенэ у истоков семиологии. В приводимых ниже строках проявились музыковедческие интересы ученого:

Свобода взаимных отношений между внешней формой слова и его значением является в высшей степени благоприятной для развития языка вообще: рост мира понятий не требует особого приспособления к нему языка и в свою очередь изменения внешней формы слова не отражаются на изменении его значения (фр. *loi, roi*, возникшие из лат. винит. ед. *legem, regem*, продолжают означать те же понятия, что и соответствующие латинские формы, хотя общими у них остались только начальные их звуки). С другой стороны, однако, условность значения слова, его алгебраичность, так сказать, делает его сравнительно бледным и сухим средством выражения нашего духовного мира, на скудость и бедность которого жалуются нередко поэты и писатели вообще («Нет на свете мук сильнее муки слова... Холоден и жалок нищий наш язык»... Надсон); см. Горнфельд, «Муки слова» («Сборник Русск. Богатства» 1899) и Ф. Батюшков («В борьбе со словом», «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1900 г.). Отсюда современные стремления музыки связать свой более эмоциональный язык со схематизмом словесной программы или оперного текста (Берлиоз, Лист, Вагнер), чтобы достигнуть

таким образом возможной полноты и яркости выражения, недоступной ни поэзии, ни музыке, взятым в отдельности [Булич 1900: 422–423].

Не считая возможным в данной статье делать сколько-нибудь подробный обзор научной деятельности ученого, укажем все же на еще одну его фундаментальную работу — «Очерк истории языкознания в России...» [Булич 1904], до сих пор являющуюся непревзойденным образцом архивного поиска, систематизации и аналитического разбора фактов становления отечественной лингвистической традиции, начиная с первых оригинальных ростков филологической мысли и завершая этапом становления сравнительно-исторического языкознания. По представленному в книге материалу видно, насколько скрупулезную, по-энциклопедически пунктуальную и ценную информацию ввел в научный оборот ученый и приоткрыл многие потаенные факты из истории филологии прошлых веков, приводя между прочим неоспоримые свидетельства оригинального пути нашей науки и ее развития в самые «темные» эпохи.

Особенно интересны, на наш взгляд, главы, посвященные рассмотрению рукописной грамматической литературы XIII–XVI вв. и анализу древних памятников научной словесности — азбукowników и старопечатных грамматик. С.К. Булич приводит редкие факты знакомства с языками в Древней Руси и их преподаванием. Большой интерес вызывают разделы о развитии языкознания при Петре Великом и его преемниках. С.К. Булич не только значительно расширил имевшиеся разрозненные сведения о главных филологических проектах XVIII в. («Словаре Академии Российской», деятельности выдающихся ученых того времени Барсова, Курганова, Сырейшикова и др.), но и рассказал об «этимологических домислах наших историков», о статьях лингвистического содержания в периодике XVIII столетия, об изучении восточных языков и т.д.

Эта работа С.К. Булича для нас важна еще и в том отношении, что он словно пытается из прошлого заглянуть в будущее, стремится понять механизмы развития языкознания, его движущие силы.

Безусловно, С.К. Булич как историк науки отлично знал и европейскую лингвистическую традицию в те ее переломные

моменты, в которых рождались проекты создания искусственных языков, представлявшие современникам другие критерии понимания и интерпретации *lingua universalis*. Последний по времени всплеск интереса к данной проблематике как раз относится к эпохе XVII–XVIII вв., которая живо интересовала ученого. Это было время поисков, экспериментов, нетрадиционных методов изучения языка и по сути открытия новой лингвистики.

Сказанное отчасти объясняет, почему С.К. Булич вдруг заинтересовался лингвистикой, или *всемирным языком*, как его тогда называли. Во-первых, ученый принадлежал к перспективному направлению в языкознании — Казанской и позднее Петербургской лингвистической школе и тесно общался с И.А. Бодуэном де Куртенэ, который всегда настраивал своих учеников на поиск свежих идей и тем, он учил смотреть вперед. Оттого, наверное, С.К. Булич-эсперантист, один из немногих исследователей своего поколения, этим своим увлечением выразил в какой-то мере и позицию прогрессивного движения в науке и общественной мысли того времени. В противовес классикам-традиционалистам типа В.М. Истрина и А.И. Соболевского С.К. Булич тяготел к лингвистическим экспериментам.

Во-вторых, С.К. Булич как ученый-энциклопедист всегда живо интересовался разными проблемами филологии и музыковедения, дополнявшими друг друга и придававшими его научному поиску творческие импульсы (особенно это заметно в сфере экспериментальной фонетики). Он почувствовал грядущую многополярность языкознания, необходимость придать хрестоматийному глянцу «Энциклопедического словаря» Брокгауза-Ефрона свежий лингвистический пафос и подготовил для него статью о совершенно новом явлении — всемирных философских языках вола(я)пюке и эсперанто.

Показательный факт из биографии С.К. Булича: «В 1895 г. избран профессором Императорского С.-Петербургского историко-филологического института и председателем только что образовавшегося лингвистического отделения неофилологического общества» [Булич 1905: 332]. Между прочим, в «Уставе» Общества

были отражены и филологические веяния начала XX в., которым соответствовали такие цели:

1) исследование вопросов, относящихся до изучения литератур и народной поэзии новых европейских, преимущественно романских и германских народов...; 2) исследование вопросов, относящихся до изучения романских и германских языков в их истории, фонетике, морфологии, синтаксисе и стилистике; 3) исследование вопросов, относящихся к преподаванию новых иностранных языков [Устав 1889: 3].

Думается, что С.К. Булич, которого трижды избирали председателем лингвистического отделения этого Общества (в общей сложности он руководил им более 15 лет), отлично разбирался во всей палитре «неологии», к которой, конечно же, принадлежали проекты всемирных языков.

Большая статья С.К. Булича [1892] об эсперанто вышла всего через пять (!) лет после опубликования грамматики этого языка Л. Заменгофом (повторно статья была напечатана в «Новом энциклопедическом словаре» [Булич 1913]). С.К. Булич сразу включился в дискуссию и поддержал создание всеобщего языка, «принятием» которого, по мнению российского лингвиста, «устранилась бы необходимость для каждого образованного человека изучать несколько чужих культурных языков, так сильно дающая себя чувствовать в наше время» [Булич 1892: 393]. Он рассказывает о философии этого языка, говорит о предыстории события и создателях других «идеографий», полемизирует со своими современниками о практической пользе таких проектов, отмечает их недостатки и положительные стороны и в целом видит в этом стремлении лингвистов более современные ориентиры науки, расширяющие ее смысловое пространство.

Показательны слова, которыми завершалась статья. В них читается высокий философский смысл:

Мы не можем и догадываться, что произойдет с языком в эту отдаленную эпоху, если развитие культурного мира будет идти без всяких помех и препятствий извне. Как бы то ни было, постоянное появление проектов всеобщего языка не только указывает на известные общественные потребности, но и служит, быть может, симптомом каких-то нам еще неясных будущих эволюций общества [Там же: 397].

Хотя С.К. Булич называл эсперанто одним «из многочисленных всемирных языков» [Эсперанто 1904: 68], его предпочтения оставались на стороне системы Л. Заменгофа, а волапюк представлялся ученому более искусственным, без таких архетипических приемов и почти музыкальной легкости, «демократичности», какие были свойственны эсперанто. «...Там было стремление подставить волапюк как всемирный язык вместо всех живых языков. Это, конечно, неосуществимая утопия», — говорил И.А. Бодуэн де Куртенэ [1918]. Он отводил языку эсперанто более реалистичную роль: «...не вытеснять другие языки, но быть вспомогательным, с сохранением каждому его родного языка» [Там же]. Ученый показал исключительный социальный смысл всемирного языка, не имеющего сословных и иных преград: «Эсперанто ближе к массам, „демократичнее“» [Там же]. Возможно, еще и поэтому С.К. Булич так активно включился в полемику о всемирных языках.

Кстати, еще два интересных факта попутно: биография Заменгофа отсутствовала в «Энциклопедическом словаре» и была напечатана позднее, в 1914 г., в обновленной и сокращенной версии этого издания [Заменгоф 1914]; статья *Эсперанто* [1904: 68] появляется отдельно в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза-Ефрона много позднее его объемной статьи *Всемирный, или международный, язык* [Булич 1892: 393–397]. Кроме этого, в Словаре дается отсылочная статья о языке *Волапюк* [1892, 1].

Заметим, что и другие авторы «Энциклопедического словаря» Брокгауза-Ефрона касались проблем универсальности, знаковой мыслительных процессов. И в этом смысле их также интересовал всеобщий язык. Например, известный философ Л.М. Лопатин в своей статье о Г.-В. Лейбнице замечал, что тот «постоянно стремился разрешить все споры, какие волновали его современников, — помирить веру и разум, откровение и философию, католичество и протестантство, возвысить науку над границами национальных особенностей и даже создать всемирный язык...» (курсив наш. — О.Н.). И далее: «Следуя за Раймундом Луллием, отчасти Гоббсом, Дальгарном и Вилькинсом, Л<ейбниц> думает, что можно все мышление свести на счисление,

правильность в мыслях — к правильности в счете, если только найти для простейших понятий и способов их соединений такие же удачные знаки, какими обладает математика. План такой *всеобщей характеристики* (*characteristica universalis*) занимает Лейбница во всю его жизнь, до самой старости» [Лопатин 1896: 487].

Опыт проникновения во «вселенную языков» одного из первых российских интерлингвистов оказался во многом отправной точкой для целого движения исследователей искусственных языков, которые, плутая в «дебрях» (выражение А.Д. Дуличенко) приближавшейся социальной катастрофы, были вдохновлены идеей создания и пропаганды всемирного языка и внесли огромный вклад в решение новых общественных и лингвистических задач. Осуществление некоторых из них, например, создание новых алфавитов и литературных норм для бесписьменных народов России и в целом то, что мы называем сейчас языковым строительством, было невозможно без опоры на опыт первопроходцев философских языков XX в. (подробно о лингвопроектах 1900–1917 гг. и 1920–1930-х гг. рассказано в статьях А.Д. Дуличенко¹). А «живой» характер искусственного языка, прежде всего эсперанто, который с легкостью преодолевал границы континентов, позволял надеяться и на реализацию новых практических вопросов. Их решали уже представители другого, молодого поколения. Однако и И.А. Бодуэн де Куртенэ, и его ученик С.К. Булич своими лингвистическими прозрениями во многом помогли продвинуть вперед идеи полифонизма языка, философии его форм, универсальности категорий и по сути осуществили прорыв в область лингвотехнологии, т.е. утверждали необходимость системной работы над усовершенствованием языка, стилями письменной

и устной речи, над критериями стандартизации единиц мыслительной деятельности и правилами глобальной языковой коммуникации. В этом и заключается главная заслуга первых российских космоглотов рубежа XIX–XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

Бодуэн де Куртенэ И.А. Неизвестное выступление И.А. Бодуэна де Куртенэ по проблеме международного языка / Публикация подготовлена С.Н. Кузнецовым // Petrograda Biblioteko. — 1918. — № 2 [Электронный ресурс]. — URL: <http://miresperanto.com/esperantologio/boduen.htm> (дата обращения 17.04.2019).

Булич С.К. Всемирный, или международный, язык // Энциклопедический словарь / издатель Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб., 1892. — Т. VII (13). — С. 393–397.

Булич С.К. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. Часть I. Записки Историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. Часть тридцать вторая. — СПб., 1893 [Отд. изд.].

Булич С.К. Семасиология // Энциклопедический словарь / издатель Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб., 1900. — Т. XXIX. — С. 422–426.

Булич С.К. Очерк истории языкознания в России. — СПб., 1904. — Т. I (XIII в. — 1825 г.).

Булич (Сергей Константинович) // Энциклопедический словарь. Дополнительный том I / издатель Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб., 1905. — С. 332. (Без указания имени автора).

Булич С.К. Всемирный, или международный, язык // Новый энциклопедический словарь. Одиннадцатый том / издатель Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб., [1913]. — Стлб. 875–879.

Волапюк // Энциклопедический словарь / издатель Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб., 1892. — Т. VII (13). — С. 1. (Без указания имени автора).

Заменгоф Лазарь-Людвиг // Новый энциклопедический словарь. Восемнадцатый том / издатель Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб., [1914]. — Стлб. 195. (Без указания имени автора).

Лопатин Л. [М.] Лейбниц Готфрид-Вильгельм // Энциклопедический словарь / издатель Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб., 1896. — Т. XVIIa (34). — С. 486–496.

Никитин О.В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. — 2018. — № 5. — С. 79–86. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-79-86.

¹ Дуличенко А.Д. Из истории интерлингвистической мысли в России (1900–1917) [Электронный ресурс]. — URL: <http://miresperanto.com/esperantologio/dulichenko-istorija.htm> (дата обращения 17.04.2019); Дуличенко А.Д. Идея международного искусственного языка в дебрях ранней советской социолингвистики // Interlinguistica Tartuensis. V. 9: Международные языки в контексте евролингвистики и интерлингвистики. Материалы международной конференции (Тарту, 25–26.09.2009). — Тарту, 2009. — С. 9–36.

Устав Неофилологического общества при Императорском С.-Петербургском университете. — СПб., 1889.

Эсперанто // Энциклопедический словарь / издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб., 1904. — Т. XLI (81). — С. 68. (Без указания имени автора).

REFERENCES

Boduen de Kurtene I.A. Neizvestnoe vystuplenie I.A. Boduehna de Kurteneh po probleme mezhdunarodnogo yazyka [Baudouin de Courtenay on the problem of the international language] / Publikatsiya podgotovlena S.N. Kuznetsovym [Publication prepared by S.N. Kuznetsov]. Petrograda Biblioteko. 1918, No. 2. [Elektronnyi resurs] [Electronic resource]. URL: <http://miresperanto.com/esperantologio/boduen.htm> (data obrashcheniya [access date]: 17.04.2019). (In Rus.)

Bulich S.K. Vsemirnyi, ili mezhdunarodnyi, yazyk [World, or international, language]. In *Entsiklopedicheskii slovar' / izdateli F.A. Brokgauz, I.A. Efron* [Encyclopedic Dictionary / Publishers F.A. Brockhaus, I.A. Efron]. Sankt-Petersburg, 1892, vol. VII (13), pp. 393–397. (In Rus.)

Bulich S.K. Tserkovnoslavianskie ehlementy v sovremennom literaturnom i narodnom russkom yazyke. Chast' I. Zapiski Istoriko-filologicheskogo fakul'teta Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta. Chast' tridsat' vtoraya. [Church Slavonic elements in modern literary and popular Russian. Part I. Notes of the Faculty of History and Philology of the Imperial St. Petersburg University. Part thirty two]. Sankt-Petersburg, 1893 [Otd. izd. [Separate edition]]. (In Rus.)

Bulich S.K. Semasiologiya [Semasiology]. In *Ehntsiklopedicheskii slovar' / izdateli F.A. Brokgauz, I.A. Efron* [Encyclopedic dictionary / publishers F.A. Brockhaus, I.A. Efron]. Sankt-Petersburg, 1900, vol. XXIX, pp. 422–426. (In Rus.)

Bulich S.K. Ocherk istorii yazykoznaniiya v Rossii [Essay on the history of linguistics in Russia]. Sankt-Petersburg, 1904, vol. I (XIII v. — 1825 g.) [13th century — 1825]. (In Rus.)

Bulich (Sergei Konstantinovich). In *Ehntsiklopedicheskii slovar' / izdateli F.A. Brokgauz, I.A. Efron* [Encyclopedic Dictionary / Publishers F.A. Brockhaus, I.A. Efron]. Sankt-Petersburg, 1904, vol. XLI (81), pp. 68. (In Rus.) (Bez ukazaniia imeni avtora).

F.A. Brokgauz, I.A. Efron [Encyclopedic Dictionary. Additional volume I / publishers F.A. Brockhaus, I.A. Efron]. Sankt-Petersburg, 1905, pp. 332. (Bez ukazaniia imeni avtora). (In Rus.)

Bulich S.K. Vsemirnyi, ili mezhdunarodnyi, yazyk. In *Novyi ehntsiklopedicheskii slovar'. Odinnadtsatiy tom / izdateli F.A. Brokgauz, I.A. Efron* [Worldwide or international language. New encyclopedic dictionary. The eleventh volume / publishers F.A. Brockhaus, I.A. Efron]. Sankt-Petersburg, [1913]. — Stlb. [Column] 875–879. (In Rus.)

Volapyuk. In *Ehntsiklopedicheskii slovar' / izdateli F.A. Brokgauz, I.A. Efron* [Encyclopedic dictionary / publishers F.A. Brockhaus, I.A. Efron]. Sankt-Petersburg, 1892, vol. VII (13), pp. 1. (In Rus.) (Bez ukazaniia imeni avtora).

Zamengof Lazar'-Lyudvig. In *Novyi ehntsiklopedicheskii slovar'. Vosemnadtsatiy tom / izdateli F.A. Brokgauz, I.A. Efron* [New Encyclopedic Dictionary. The eighteenth volume / publishers F.A. Brokgauz, I.A. Efron]. Sankt-Petersburg, [1914]. — Stlb. [Column] 195. (In Rus.) (Bez ukazaniia imeni avtora).

Lopatin L. [M.] Leibnits Gotfrid-Vil'gel'm [Leibniz Gottfried-Wilhelm]. In *Ehntsiklopedicheskii slovar' / izdateli F.A. Brokgauz, I.A. Efron* [Encyclopedic Dictionary / Publishers F.A. Brockhaus, I.A. Efron]. Sankt-Petersburg, 1896, vol. XVI-Ia (34), pp. 486–496. (In Rus.)

Nikitin O.V. “Filologiya duha”. Fedor Ivanovich Buslaev kak yazykovaya lichnost' (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya) [“Philology of the spirit”. Fedor Ivanovich Buslaev as a linguistic person (On the 200th anniversary of his birth)]. In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2018, No.5, pp. 79–86. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-79-86. (In Rus.)

Ustav Neofilologicheskogo obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete [The Charter of the Neophilological Society at the Imperial St. Petersburg University]. Sankt-Petersburg, 1889. (In Rus.)

Ehsperanto [Esperanto]. In *Ehntsiklopedicheskii slovar' / izdateli F.A. Brokgauz, I.A. Efron* [Encyclopedic Dictionary / Publishers F.A. Brockhaus, I.A. Efron]. Sankt-Petersburg, 1904, vol. XLI (81), pp. 68. (In Rus.) (Bez ukazaniia imeni avtora).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории русского языка и общего языкознания, Московский государственный областной университет; ул. Веры Волошиной, д. 24, г. Мытищи, Московская область, 141014, Россия

Oleg V. Nikitin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Chair of the Russian Language and General Linguistics, Moscow Region State University; 24 str. Very Voloshinoy, Mytishchi, Moscow region, 141014, Russia